

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

Алиса Бодлер, Александрия Рихтер, Юлия Кот,
Анна Сешт, Олег Крамер, Герман и Тамара Рыльские,
Валерия Шаталова, Дарья Урбанская,
Екатерина Каретникова, Юлия Фим, Светлана Волкова,
Мария Дубинина, Сора Наумова, Хельга Воджик

И пришла зима

УЮТНЫЕ ИСТОРИИ
О ЛЮБВИ, ЧУДЕСАХ И ПРИЗРАКАХ

*Sugar
love*

Москва
2025

САМАЯ ХОЛОДНАЯ НОЧЬ ЗА СТО ЛЕТ

АЛЕКСАНДРИЯ РИХТЕР

1

*Winter kommt! Winter kommt!
Flocken fallen nieder*.*

Самолет взлетел, и уши, как обычно, заложило. Анна смотрела в иллюминатор: земля, нарезанная полосками, быстро исчезала за плотными облаками. Наконец-то она сможет вздохнуть спокойно. Ну, или почти. Почувствовать себя в безопасности у нее получится лишь тогда, когда ее ноги вновь коснутся земли. Самолет качнуло, и она вздрогнула. Неужели турбулентность?.. Уже?

В кресле рядом с ней сидел показавшийся ей немного странным мужчина в годах. На нем был твидовый костюм винного цвета и совсем не подходящий, даже несколько вульгарный галстук, желтый, с мелкими коричневыми оленями. «Настоящее преступление

* Зима пришла! Зима пришла! / Кружатся снежинки. Здесь и далее перевод с немецкого И. Офицеровой.

перед модой», — подумала Анна. Впрочем, чужой стиль или его отсутствие не должны были ее волновать.

— Могу я предложить вам воды? Или, может быть, сока? — спросила стюардесса в черном строгом костюме с оранжевым платочком на шее.

С оранжевым?.. Разве они всегда были такого цвета? Или дело в том, что Анна давно не летала этой авиакомпанией?

— Прошу прощения... — снова обратилась к ней стюардесса.

Анна, будто очнувшись, пробормотала:

— Воду, пожалуйста. И как можно холоднее.

Стюардесса отошла, и мужчина, подмигнув, обратился к Анне с вопросом:

— Не боитесь замерзнуть? Говорят, новогодняя ночь в Бонне будет самой холодной за последние сто лет. Я бы не рискнул пить что-то ниже 45 градусов.

Если Анна что и ненавидела больше, чем летать на самолетах, так это внезапно заговаривавших с ней незнакомцев.

— Я рискну, — коротко ответила она, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

— Ого! Смотрю, вы настроены решительно, — заметил мужчина и, отстегнув ремень безопасности, повернулся к ней.

Анна подняла взгляд — широкое лицо незнакомца было в крупных морщинах, мелких пигментных пятнах и веснушках. Нос картошкой, а глаза... В глазах светилась доброта. Его улыбка была по-детски беззаботной. Анна почувствовала неловкость за свой резкий ответ.

— Вы в Бонн по работе? Или родных решили навестить? — продолжил сосед, явно настроившись поболтать.

И Анна тут же вновь рассердилась. «Вам-то что за дело», — хотела огрызнуться она, но сдержалась и лишь сухо сказала:

— У меня в Бонне дела.

Ну, теперь-то он уж должен понять, что светской беседы не выйдет. Однако добродушный господин намека не понял. Или сделал вид, что не понял.

— Канун Нового года — идеальное время для небольшого путешествия, не правда ли? Я вот не очень люблю покидать родной дом, но раз в году...

Его слова журчали бесконечным потоком. Время от времени слух Анны выхватывал из него отдельные слова: «снег», «елка», «игрушки»...

Самолет опять качнуло, и Анна вздрогнула.

— ...столько счастья, столько улыбок! — продолжал мужчина, словно не замечая полного отсутствия реакции с ее стороны. — А как-то я отвлекся и едва не перевернулся вместе со всеми подарками. Чуть все кости не переломал, представляете?

Анна зачем-то кивнула.

— Ну и ну. А вот я никогда ничего себе не ломала.

Хотя это было неправдой. Еще в школе, несколько раз, играя в волейбол и неудачно отбив мяч, она ломала пальцы рук. Но она надеялась, что надоедливый сосед хотя бы с третьего раза поймет, что у нее нет ни малейшего желания поддерживать беседу.

— Извините, — подняла Анна руку, увидев проходившую мимо стюардессу. — Я просила воды.

— Да-да, сейчас, — улыбнулась та и поправила платок на шее. — Может быть, хотите вегетарианский сэндвич с рукколой и солеными огурцами?

— Просто принесите воды.

Анна потеряла переносицу. Сколько еще до конца полета? Пятнадцать минут? Полчаса?

— О, я ведь не представился! — Мужчина вдруг протянул ей руку. — Я Отто. Отто Майер.

— Очень приятно, герр Отто... — она слабо пожала его руку. — Меня зовут Анна.

— А я вас узнал! — весело заметил он. — Сначала думал, что обознался, но теперь пригляделся и понял — это же вы!

Оттянув галстук, будто тот начал его душить, он негромко пропел:

— «Вид твой распугал всех ко-о-оз, ах, проклятый варикоз... Покупай скорей наш гель — будет...»

— Да-да. — Анна сердито посмотрела на него, мечтая, чтобы он замолчал. — Это я. Девушка из рекламы геля от варикоза. Прошу вас, тише!

Отто поднял руки в примирительном жесте:

— Понимаю! Фанаты...

Анне стоило больших усилий не закатить глаза.

— Спасибо за понимание, — проговорила она.

Стюардесса наконец принесла воды, Анна сделала несколько больших глотков и отвернулась к иллюминатору. Лучше весь полет трястись от ужаса, чем слушать давно осточертевший ей рекламный джингл в исполнении соседа.

Средство против варикоза... Анна ненавидела его даже больше, чем перелеты и случайные разговоры.

Одно необдуманное решение, и вот уже все вокруг при виде тебя начинают напевать эти проклятые строчки. Она вздохнула. Ей было двадцать лет, и она мечтала работать на телевидении. Кто знал, что все так обернется? Ролик с ее участием вошел в топ-10 самых надоедливых реклам года по версии местной

газеты, а в интернете можно найти больше ста пародий. Ее останавливали на улице, с ней фотографировались, даже фотожабы делали! Вот только никто не знал, насколько все это отравляло ее жизнь. Никто не знал, что ей приходилось выслушивать от телепродюсеров и кастинг-директоров... Никто не знал, что она чувствовала, когда вместо серьезной работы ей предлагали сниматься в рекламе сомнительных товаров или приглашали на третьеразрядное шоу талантов...

— Грязный пиар — тоже пиар, — сказал ей как-то Франц, друг детства.

Раньше они были неразлучны, но последние семь лет лишь изредка созванивались. — Они еще пожалеют, что не давали тебе нормальную работу. Но однажды ты станешь самой популярной ведущей Das Erste^{*} и твой телефон будет разрываться от звонков!

Анна не спорила — он ведь так старался ее подбодрить. Но все понимали, что ее карьера безнадежно испорчена. Анна из кожи вон лезла, чтобы смыть с себя это пятно варикозного позора. Но ей уже двадцать семь, и последние пять лет она продает двери. Ах, простите, — не просто двери, а «двери высшего качества по приятным ценам». Дуб, орех, экзотические породы. Доставка, установка, гарантия.

— Боятесь летать? — голос Отто раздался над ее ухом, словно протрубили в горн.

— Что? Почему вы так решили?.. — рассеянно спросила Анна.

— Вы так стиснули этот бедный стаканчик... У вас что, с ним личные счета?

^{*} Das Erste — немецкий телеканал.

Это была просто дурацкая болтовня. Но Анну она почему-то развеселила.

— Да. Он из пластика, а я этого не одобряю.

Отто посмотрел на нее так, что ей стало не по себе. Ей вдруг показалось, что она испортила ему настроение. А еще — что ему все о ней известно: о неудачах на работе; о помолвке, расторгнутой за две недели до свадьбы; даже о сникерсе, который она надкусила в зале ожидания и бросила в сумку, и теперь подкладка вся в шоколаде и липкой карамели...

— Какие у вас планы на Новый год? — спросил Отто с прежним добродушием, и наваждение рассеялось.

— Планы?.. — вздохнула Анна.

Не было у нее никаких планов. Только глупая идея, пробудившая ностальгию и заставившая отправиться в путь.

Когда она сказала маме, что хочет съездить в старый дом бабушки Милдред, та несколько минут молчала. Анна даже подумала, что их разъединили.

— Детка... — начала мама, — может, лучше приедешь к нам? Я куплю в лавке у Ганса твои любимые берлинеры*, посмотрим «Ужин на одного»**. Мы давно не собирались вместе.

* Берлинер — обжаренный в масле пончик из сладкого дрожжевого теста с начинкой из клубничного, сливового конфитюра или крема. Популярный десерт в Германии, особенно на Новый год.

** «Ужин на одного» (*Der 90. Geburtstag oder Dinner for One*) — короткометражная комедия, которую в Германии показывают в канун Нового года.

— Нет, мам, не хочу, чтобы вы меняли планы из-за меня. Я же знаю, вы уже договорились встретиться с друзьями.

— Ну и что? На Рождество ты не смогла приехать из-за работы, так может, хоть на Новый год? Мы все отменим!

— Даже не думай! — строго проговорила Анна. — Я заеду в бабушкин дом, а потом сразу в отель. Встречу Новый год и полечу обратно.

— Ты уверена? — в мамином голосе еще звучали сомнения. — Точно не хочешь к нам? А что Маттэо об этом думает?

Анна ответила только на первый вопрос.

— Точно, мам.

— Давай я хоть Францу позвоню, думаю, он с радостью составит тебе компанию. Вы же так любили этот дом. Как вспомню...

— Ни в коем случае! — перебила ее Анна. — У него полно дел. В последний раз, когда мы с ним говорили, он жаловался, что даже позавтракать не всегда успевает, а ты хочешь, чтобы он тащился на другой конец страны!

— Берлин не так уж и далеко, — вздохнула мама. — Но как скажешь. Если вдруг передумаешь, напиши. Люблю тебя.

— И я тебя, — сказала Анна и убрала телефон в карман.

* * *

— Анна? — Отто вопросительно смотрел на нее. — Вам не хочется об этом говорить? Я лезу не в свое дело?

Она хотела ответить что-нибудь уклончивое, но слова застряли в горле. Отто вдруг потянулся к ней, накрыл большой горячей ладонью ее замерзшую руку и по-отечески улыбнулся. Все ее чувства вдруг обострились... Перед глазами возник камин с тлеющими в нем углями, она чувствовала запах еловых веток, ощущала на губах вкус лимонада, который им с Францем разрешали пить только по праздникам. Она удивленно уставилась на соседа, и как только открыла рот, слова полились сами.

— Когда я была маленькой, мы часто встречали Новый год у моей бабушки. Гостей было столько, что я даже сосчитать их не могла. Кажется, взрослые соревновались, сколько друзей поместится в доме. Это было самое лучшее время в моей жизни.

— Почему? — спросил Отто, не убирая руки.

— Мне никогда не бывало там скучно. Я играла или помогала дедушке Бернару готовить имбирное печенье. Мне так нравилось наряжать елку!.. И там... Понимаете, там я никогда не чувствовала себя одиноко, — улыбнулась она. — Мы веселились, гадали на расплавленном олове, а как-то Франц привез мне леденцы Berlingot, которые тетушка Уна купила для него в Париже. Мы поспорили, кто сгрызет больше конфет. У меня откололся кусочек переднего зуба, а Францу стало плохо, и теперь у него аллергия на сладкое...

— Вам, наверное, здорово досталось... — заметил Отто.

— Нет, бабушка кого угодно могла успокоить. — Из ее глаз вдруг полились слезы, но она этого не заметила. — Даже мою маму, которая любую мелочь может раздуть до масштабов вселенской катастрофы.

Он замолчала, слова комом встали в горле.

— Ее больше нет, да? Вашей бабушки? Вы летите не к ней?

Анна закрыла глаза.

— Да, — с трудом проговорила она. — Бабушка умерла десять лет назад, когда мне только исполнилось семнадцать. Ее долгое время мучил кашель, но она все откладывала поход к врачу. А потом уже было слишком поздно...

Она прерывисто вздохнула.

— Дом так и не продали. У мамы хватило сил только на то, чтобы сложить вещи в коробки. Раз в год, конечно, папа заводит разговор о том, что земля стоит дорого, и мы могли бы неплохо заработать, если бы наконец разобрались с документами. Но мама не хочет продавать этот дом. Думаете, это глупо?

— Не возьмусь судить о поступках вашей матери, — сказал Отто, а затем добавил: — Но почему бы вам самой не поселиться в этом доме? Судя по всему, вы его любили.

Анна помрачнела и отстранилась. Странные ощущения покинули ее. Она похолодела: с чего это она вдруг так разболталась с незнакомцем?

— Я не могу, — ответила она и, коротко извинившись, отвернулась.

Остаток полета Анна ругала себя за излишнюю откровенность. «И кто только тянул тебя за язык? — упрекала она себя. — Еще рассказала бы, где документы лежат. А заодно и пин-код от банковской карты назвала».

Анна даже не заметила, как самолет приземлился. Все ее мысли вертелись вокруг предстоящей поездки по заснеженной дороге. Ей хотелось выйти одной из первых, поэтому она отстегнула ремень и протиснулась мимо Отто в проход, забитый людьми.

— Анна! — окликнул ее сосед.

Она оглянулась. Отто все еще сидел в кресле, будто вообще не собирался вставать.

— Вы все делаете правильно. Милдред будет счастлива, что вы наконец-то собрались ее навестить!

Глаза Анны широко распахнулись, она остановилась, но кто-то нетерпеливо подтолкнул ее к выходу.

«Я ведь не говорила, как зовут бабушку...» — пронеслось у нее в голове, но спешившие к выходу пассажиры увлекли ее за собой.

«Дождусь его у трапа, — подумала Анна. — Что за фокусы?!»

На улице было холодно. Анна спрятала нос в воротник пальто.

«А что, если это какой-нибудь престарелый фанат? И теперь будет преследовать меня? Что еще ему известно, кроме бабушкиного имени? Адрес родителей?.. Ой, мамочки!.. Тогда нужно бежать без оглядки, а не топтаться тут, поджидая его».

И она нырнула в автобус, который должен был отвезти ее в здание аэропорта.

2

Es ist kalt. Es ist kalt.

Weiss ist alles wieder.*

Анна уже несколько минут сжимала в руке ключи, но все не решалась подойти к двери. Дом бабушки Милдред совсем не изменился с тех пор, как она была тут в последний раз. Все выглядело так же, как и девять лет назад.

* Опять морозная пора / и белые тропинки.

Конечно, стоило приглядеться, — и можно было заметить признаки того, что дом долго простоял заброшенным. Об этом свидетельствовала и потускневшая, потрескавшаяся краска на зеленой входной двери; и окна, которые раньше с такой любовью украшали гирляндами. Теперь стекла помутнели, лестница, ведущая на крыльцо, покосилась и почти утонула в сугробах, с крыши свисала бахрома сосулек.

— Ну, здравствуй, пряничный домик, — прошептала Анна. Так она называла его в детстве. — Давно не виделись.

Внезапно налетел порыв ветра, она приняла это за добрый знак и шагнула вперед.

* * *

Внутри пахло сыростью и чем-то прокисшим. Анна щелкнула выключателем, но свет не зажегся. «Хорошо, что я приехала пораньше, — подумала она. — Через час тут совсем стемнеет».

В доме было прохладно, поэтому снимать пальто она не стала.

Полумрак добавлял всему загадочности, чехлы на мебели нагоняли тоску.

— Как же это все... — произнесла Анна и остановилась, подбирая слово. — Неправильно...

Где мигающие гирлянды? Где ель с большими стеклянными шарами и разноцветной мишурой? Она бы все на свете отдала, чтобы снова почувствовать запах дымящегося раклета[°], который дедушка готовил к их приезду.

[°] Раklet — швейцарское национальное блюдо. Как и фондю, готовится из расплавленного жирного сыра.